

ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

НЕКРАСОВА Галина Александровна

УДК 809.453.2-555

Л-ОВЫЕ ПАДЕЖИ В КОМИ ЯЗЫКЕ

10.02.07 Финно-угорские языки

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

ТАРТУ 1987

Работа выполнена на кафедре финно-угорских языков
Тартуского государственного университета

Научные руководители: доктор филологических наук,
профессор А.Ю.Кюннап,
доктор филологических наук,
профессор П.Ю.Алвре

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор И.Г.Иванов
кандидат филологических наук,
с.н.с. А.-Р.Хаузенберг

Ведущая организация: Сыктывкарский государственный
университет им. 50-летия СССР

Защита состоится "9" ноября 1987 г. в 11. ч. на
заседании Специализированного совета Д 069.02.02. по защите
диссертаций на соискание ученой степени доктора филологичес-
ких наук при Тартуском государственном университете (202400,
г. Тарту, ул. Юликооли, 18).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиоте-
ке Тартуского государственного университета.

Автореферат разослан "25" сентября 1987 г.

Ученый секретарь
Специализированного
совета Д 069.02.02,
доктор филологических
наук, профессор

Х. Рятсеп

Х.К.Рятсеп

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Необходимость специального исследования падежей коми языка с актуализацией их семантического содержания вызвана появлением нового направления грамматического анализа — функциональной морфологии, анализирующей взаимодействие и взаимообусловленность значений грамматической формы и контекста. Выбор темы определяется тем, что проблема возникновения и функциональной реализации д-овых падежей относится к числу неразрешенных вопросов в пермском и финно-угорском языкознании. Полное описание семантики д-овых падежей позволит установить современный уровень и общий процесс их функционального развития, что даст дополнительный материал для разрешения отдельных спорных теоретических вопросов коми и пермского языкознания, а также расширит возможности сравнительно-исторического и типологического исследований теории падежа в финно-угорском и в общем языкознании.

Цель и задачи работы. Цель диссертации — дать системное описание д-овых падежей коми языка.

В работе ставятся задачи: 1. определить источники и первоначальную семантику д-овых падежей пермских языков; 2. дать функционально-семантическую дескрипцию каждого из д-овых падежей коми языка; 3. определить взаимосвязь между значениями одной формы, а также отношения между падежами и роль каждого из них в системе; 4. выявить типологический характер функциональных реализаций каждого их рассматриваемых падежей; 5. определить новые тенденции в развитии системы д-овых падежей; 6. выявить статистические характеристики употребительности д-овых падежей в разных функциональных сферах языка.

Источники исследования. Материалом работы послужили диалектные, художественные, публицистические и фольклорные тексты. Привлекается также материал из словарей коми языка, грамматик и трудов отечественных и зарубежных лингвистов. Отдельные примеры автор составила сама, опираясь на собственную языковую компетентность.

В работе материал в некоторой степени редуцирован.

Научная новизна работы состоит в ее интерпретационном и фактографическом аспектах:

1. Впервые проведено специальное исследование д-овых падежей коми языка в русле функциональной грамматики:

— выявлены семантико-синтаксические функции д-овых падежей, описаны позиции их реализации;

— в пределах каждой падежной формы определена взаимосвязь значений;

— установлена общая функциональная модель д-овых падежей и уровень их развития в плане содержания;

2. Впервые предпринята попытка типологического анализа падежных функций с учетом данных финно-угорских и самодийских языков;

3. Впервые в коми языкознании выделена группа приблизительно-местных падежей. Даны их грамматические характеристики и основные критерии определения их категориальной принадлежности.

4. Изучена степень распространенности д-овых падежей в разных функциональных сферах языка.

Теоретическая и прикладная значимость диссертации. Результаты исследования дают материал для теории падежа коми языка, а также для сравнительно-исторического и типологического изучения падежа в финно-угроведении. Положения диссертации найдут отражение в планируемой научной грамматике современного коми языка, могут быть использованы при составлении лекционных курсов в Сыктывкарском государственном университете, Коми педагогическом институте, в преподавании коми языка в средней школе, будут способствовать совершенствованию языка печати, радио и телевидения.

Апробация. Основные положения диссертации докладывались на VI Международном конгрессе финно-угроведов (Сыктывкар 1985), на I зональном симпозиуме "Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками" (Устинов 1986), на конференции молодых ученых Института языка и литературы АН ЭССР (Таллин 1986), на X Коми республиканской молодежной конференции (Сыктывкар 1987), на XVII Всесоюзной конференции финно-угроведов (Устинов 1987), а также отражены в 7 публикациях (список в конце автореферата).

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы, списка сокращений и приложения. Общий объем работы составляет 243 стр. машинописного текста.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы, сформулированы цель, задачи, принципы и методы исследования, указаны материалы, на основе которых написана работа, раскрыты новизна и значимость полученных результатов, а также кратко изложены история и проблемы изучения падежей коми языка.

В первой главе диссертации представлен диахронный аспект исследования д-овых падежей коми языка, что включает в себя ретроспективный формальный и функциональный анализ.

Достоверная реконструкция системы д-овых падежей коми языка возможна только на прапермском фоне, что основывается на отсутствии д-овых падежей в мордовских и саамском языках, а также на формально-функциональных различиях д-овых падежей прибалтийско-финских, марийского и пермских языков. Однако ряд обстоятельств: распространение д-овых падежей в большинстве языков финно-пермской ветви, использование единого способа образования суффиксов: общность источника ко-аффикса, типология структуры, изначальная гетерогенная природа диалектов праязыка, позволяет предположить возможность возникновения предпосылок к типологическому образованию д-овых падежей в финно-пермский период.

В отношении источника д-ового элемента рассматриваемых падежей мы придерживаемся его словообразовательного происхождения, что основывается на отсутствии самостоятельного д-ового падежа, а также послелога или лексемы с внешнеместным значением и д-овым анлаутом в противовес изобилию деривационных элементов в финно-угорских языках. Поэтому процесс образования д-овых падежей представляет собой своеобразную функциональную транспозицию, что сопровождается секретией д-ового суффикса в падежные маркеры из-за высокой частотности его дистрибуции с формантами локальных падежей. Этому способствовало также то, что элемент, выступающий в роли ко-аффикса, имеет близкую к словообразовательной функцию (В.Таули, М.Корхонен, А. Кюннап).

Возможно, что семантика д-ового деривационного суффикса легла в основу выражения д-овыми падежами внешнеместной локальности. Анализ показывает, что общим для всех, образованных с помощью д-ового суффикса слов является значение места,

пространства в его отвлеченном значении, " *nomina loci* ", по отношению к которым не применяется разграничение внутренних пределов и внешних границ. Такая семантическая недифференциация пространственных отношений могла явиться основой восприятия значения отвлеченного места как поверхности, что нашло дальнейшее отражение в семе эксклюзии л-ового коаффикса.

Прапермская система л-овых падежей, вероятно, состояла из 4 функциональных единиц, которые в синхронии сохраняются во всех пермских языках (см. таблицу I).

Таблица I

Система л-овых падежей пермских языков

	праперм.	к.-зыр.	к.-перм.		удм.
			сев.	кж.	
генитив	*- <u>len</u>			-в ^{он}	
*адессив	*- <u>lan</u>	-л ^{он}	-л ^{он}	-л ^{он}	-л ^{он}
				-в ^{ис}	
аблатив	*- <u>les</u>	-л ^{ыс}	-л ^{ис}	-л ^{ис}	-л ^{ыс}
датель	*- <u>lek</u>			-в ^о	
*аллатив	*- <u>lak</u>	-л ^ы	-л ^о	-л ^о	-л ^ы
				-в ^{ань}	
аппроксиматив	*- <u>lan</u>	-л ^{ань}	-л ^{ань}	-л ^{ань}	-л ^{ань}
конзекутив	-	-л ^а	-л ^а	-	-

Маркеры общепермских л-овых падежей проявляют идентичность в консонантах (чередование л/в в коми-пермяцком языке представляет диалектное явление). Образование формантов происходило путем контаминации суффикса л с локативом на *-na/*-nä (генитив), с лативом на *-n (аппроксиматив) и *-k (датель), элативно-аблативным суффиксом *-s (аблатив). В ранний прапермский период суффиксы л-овых падежей оформлялись широкими гласными а,э,разные рефлексy которых сохраняются в современных пермских языках.

Образование конзекутива относится к протокоми периоду, что представляет собой функциональное расщепление аллатива в результате дифференциации гласных: -л^ы - датель, -л^а - конзекутив.

Примарным значением всех л-овых падежей было выражение локальных отношений. В синхронии исходное значение сохраняет

лишь аппроксиматив, в диалектах и в памятниках древнепермской письменности спорадически проявляют также датив и аблатив.

В работе особое внимание уделено обоснованию первичности локальных значений генитива, аблатива и датива. На основе анализа их семантической структуры в синхронии и диахронии (см. таблицу 2) показана взаимосвязь выражения пространственных и посессивных отношений.

Таблица 2

Семантическая структура генитива, аблатива и датива коми языка в синхронии и в диахронии

	генитив	аблатив	датив
+ динамическая направленность (динамическая посессивность)/	-	+	+
- локация (статичная посессивность)			
+ прямая (воспринимаемая посессивность)/			
- обратная (отчуждаемая посессивность) направленность		-	+
+ инклюзия (имплицитная посессивность)/	-	-	-
- эксклюзия (эксплицитная посессивность)			

Вторая глава диссертации посвящена описанию семантики отдельных падежных единиц, установлению функциональной модели л-овых падежей коми языка.

За основу исследования семантики падежей в работе берется системно-функциональный подход изучения языковых единиц, учитывающий особенности морфологической формы, ее лексического содержания и занимаемой синтаксической позиции. Исходя из этого, рассмотрение семантики падежных единиц сводится к выявлению семантико-синтаксических функций, под которыми понимается типизированная семантическая роль падежных словоформ в семантической структуре контекста (предложения или словосочетания), устанавливаемая путем семантического

обобщения отношений между данными словоформами и непосредственно распространяемым словом.

В пределах формы значения обнаруживают взаимосвязь и дискретность. Взаимосвязь проявляется в развитии вторичных значений на основе исходного локального значения или же через средние промежуточные звенья, дискретность — в позиционной реализации падежной формы в определенном типе контекста (внутренний, внешний (минимальный, средний, максимальный)).

Рассмотрение семантико-синтаксических функций проводится с привлечением данных близкородственных языков, в основном удмуртского языка. Между д-овыми падежами коми-зырянского и коми-пермяцкого языков нет принципиальной функциональной разницы, поэтому коми-пермяцкий материал анализируется лишь в случае функционального отклонения от коми-зырянского языка. Описание падежных значений строится по принципу от первичных значений к вторичным, при этом учитываются все значения падежей независимо от того, реализуются ли они во всех пермских языках, или только в одном из языков (диалектов). Примеры коми литературного языка даются без помет.

После рассмотрения семантики падежей предлагается типологический аспект исследования, который заключается в определении типологического характера функций д-овых падежей, что устанавливается при сравнении д-овых падежей коми языка с соответствующими падежами других финно-угорских, а также самодийских языков.

Генитив на синхронном уровне специализируется для выражения принадлежностных и субъектных отношений. Его исходное локальное значение в пермских языках не прослеживается. Сохранились лишь единичные адвербы в удмуртском языке, напр., берлон 'потом, после, затем', педлон 'во дворе, на улице'. Промежуточным звеном от первичной функции к его современному содержанию послужило пространственно-притяжательное значение, реализация которого ограничена и почти полностью вытеснена другими грамматическими единицами в современных пермских языках. Напр., Кольм лунъ Вишкунлн (—> Вишкун ордн —> Вишкунъсын) влі помеч 'Вчера у Вишкуна были помочи'.

Принадлежностное значение генитив проявляет:

1. в haveo - конструкциях: Педърлн влі кык ныв 'У Федора было две дочери', удм. кинлэн пудойез йй вал 'у кого не было скота';
2. в составе именного составного сказуемого: тайъ керканс

менам 'этот дом мой', удм. та дӱдӱн Иван Петырлэн 'эти сани Петра Ивановича';

3. на уровне предложения, "субъект касательства": зонкалӱн гӱргӱсмисны синъясны 'у мальчика округлились глаза', милям одиг арын вӱт ышиз 'у нас в один год телка пропала';

4. в приименной позиции, где он выступает в отношении дополнительной дистрибуции и проявляет функциональное перекрещивание в зависимости от типа контекста с приименным номинативом. На уровне минимального внешнего контекста отмечается доминирование генитива, если референт представлен одушевленным существительным. На уровне среднего внешнего контекста в функции нераспространенного определения генитив сохраняет позиции минимального контекста, реализуясь при грамматическом субъекте. Номинатив расширяет дистрибутивные возможности почти до генитивных, реализуясь при косвенных падежах и послеложных конструкциях. В случае распространенного определения расширяется сфера обязательного употребления генитива до позиции при косвенных падежах и послеложных конструкциях. На уровне максимального контекста проявляется относительно полное совпадение сочетаемости номинатива с генитивом. Обязательное употребление генитива отмечается: а) при постпозиционной постановке атрибута по отношению к определяемому слову, б) если последнее образовано от основ переходного глагола (ср. нывлӱн бӱрйӱм 'выбор девушкой' и ныв бӱрйӱм 'выбор девушки'), в) если в качестве обладателя выступают субстантивированные прилагательные, числительные, причастия (ср. вӱралысьлӱн пон 'собака охотника' и вӱралысь пон 'охотничья собака', ӱтиклӱн вӱв 'конь одного' и ӱтик вӱв 'один конь'), г) при выражении множественности обладателей (пуяслӱн коръяс 'листья деревьев'), д) при выражении актуализованной принадлежности.

Семантические модификации приименного генитива объединяются выражением принадлежностных отношений, в удмуртском языке он реализует также соотносительные значения (указание на место, содержание: городлэн уразез 'улица города', турунлэн зуродз 'стог сена').

5. в припослеложной позиции. Генитив с именами выступает при сравнительных послелогах: мамлӱн кодъ 'как у матери', при других семантических группах послелогов в генитиве встречаются лишь личные и усиительно-личные местоимения I и 2 л. ед. и мн. чч.: тэнад вӱсна 'из-за тебя', миян йылысь 'о нас',

Агентивное значение генитива выступает в двух разновидностях:

1. Собственно агентивное значение реализуется при:

а) деепричастиях с суффиксами -тѳлз, -ит(ѳн): детинка-лѳн вѳтѳлз 'до прихода мальчика', мена кулѳлѳн 'во время моей смерти';

б) атрибутивных причастиях: енмислѳн сетѳм вѳр-васѳ 'данную богом природу', удм. солэн кивалтоно колхозэз 'руководимый им колхоз';

в) в конструкциях с причастием прошедшего времени на -ѳм(а), -тѳм: порсь Иванлѳн босѳтѳма 'Иван купил поросенка'.

2. Демиактивное лицо. Содержит указание на лицо, состояние или действие которого представляется как вызванное внешними обстоятельствами. Выделяются несколько типов значения:

2.1. Субъект дебитивного действия. Реализуется при глаголах модальной направленности со значением необходимости: мена (→ меным) колѳ котѳртны делянкаясѳ 'мне надо бежать на делянки';

2.2. Субъект непроизвольного состояния, действия. Реализуется при пассивно-возвратных глаголах с суффиксом -сь: сылѳн эз терпитсѳ 'ему не терпелось', а также при глаголах пассивной характеристики типа вунны 'забыть, забыться', ѳнр-ны 'закончиться, иссякнуть': сылѳн тайѳ вунѳ 'он это забыл', реже при словах категории состояния: мена (→ меным) длы свадѳбасѳ вѳчны 'мне лень свадьбу устроить'.

В определенных позициях генитив в значении демиактивного лица вступает в синонимические отношения с дативом.

Реализуемые пермским генитивом семантико-синтаксические функции в других финно-угорских языках входят в семантическое поле генитива или же адессива.

Аблатив первичное локальное значение проявляет лишь в древнепермских письменных памятниках, напр., лѳчас вэл-лѳс 'спустится с небес' (Лепехинский текст, 17 в.). В синхронии данный падеж функционирует с системой значений вторичного происхождения, среди которых в качестве общепермских значений выступают значения

1. обладателя отчуждаемой принадлежности. Реализуется при глаголах отчуждения, изъятия, просьбы, вопроса, восприятия, отношения: сыллѳс босѳтны, удм. солѳсѳ басѳтны 'взять у него'.

2. обладателя собственной принадлежности. Реализуется в позиции при переходных глаголах. Семантические разновидности значения идентичны с таковыми приименного генитива. Напр., казялѳс Мишкалѳс пырѳмосѳ 'заметил заход Мишки', удм.

коркалэсь липелэсэ 'крышу дома'.

В удмуртском языке аблатив реализует дополнительно значения, которые в современном коми языке входят в функцию элатива:

1. Отделение от предмета. Проявляется при глаголах отделения, разделения: солэсь висъяны 'отделиться от него'. Данный семантический тип аблатива зафиксирован также в древнепермских текстах: мынты мийанды варкёслэсь 'избавь нас от лукавого' (Лепехинский текст, 17 в.) и в нв., вим. диалектах коми языка: *ni-nemen mi silis* (V: *silis*) *og-mine VU V'wir werden ihn auf keine Weise (eig. mit nicht)*' (Г.-Г. : 653).

2. Основание действия. Реализуется при глаголах чувств, психических состояний (страха и стыда): пилэсь мёзмыны 'скучать по сыну'. В коми-пермяцком языке и в иж. диалекте коми языка аблатив данного типа выступает при одушевленном референте: иж. *сиа никодлэсь* из поо 'он никого не боялся'.

3. Причина действия: шуньтлэсь лымы шуна 'от тепла снег тает'. Реализуется на уровне предложения.

4. Материал. Проявляется при глаголах с общей семой изготовления: кирпичёслэсь лэсьтэмын 'построены из кирпичей'.

5. Источник возникновения предмета. Реализуется при глаголах с общей семой превращения: посёлоклэсь город пёрмиз 'из поселка город возник'.

6. Предмет составной совокупности. Реализуется при глаголах типа пёрмыны 'состоять, образоваться', при именах, обозначающих коллектив, совокупность однородных предметов. Напр., куинь адямилэсь комиссия 'комиссия из трех человек', организмёслэсь тканёссы клеткаослэсь пёмеын 'ткани организма состоят из клеток'.

7. Объект возмещения, оценки. Реализуется при глаголах с общей семой компенсации, возмещения. Напр., солэсь дунбасьтэм 'за них плату взяли'.

8. Объект отношения: нянлэсь ёрмыса 'испытывая недостаток в хлебе'.

9. Объект сопоставления. Реализуется в сравнительных и усилительных конструкциях. Напр., ческытлэсь ческыт 'слаще сладкого'. Единичные примеры данного типа аблатива зафиксированы в памятниках письменности: йугыдлэсь йугыд 'светлее светлого' (Лепехинский текст, 17 в.).

Функциональным соответствием пермскому аблативу в других финно-угорских, а также самодийских языках выступают грамматические единицы аблативного характера, к которым от-

носятся аблатив, элатив, партитив и послеложные конструкции с аблативной семантикой, объединяющиеся на основе семы обратной динамической направленности, отложительности. К макротиологическим особенностям аблатива в пределах уральской языковой семьи следует отнести выражение значения обладателя отчуждаемой принадлежности. Характерной чертой только пермских языков является реализация значения обладателя собственной принадлежности.

Датив. Первичное локальное значение датива сохранилось частично в диалектах. Он указывает на предмет, являющийся пунктом направленности, в зависимости от характера которого выделяются две разновидности:

1. указание на поверхность предмета. Сохранилась в удмуртском языке *uz üsê turemlê* 'не упадет на траву' (ВГ : 139). В современных пермских языках данная разновидность датива заменена послеложными конструкциями с к.-зыр. вылб: *усис пызан вылб* 'упал на стол', удм. вылэ: *жжк вылэ понны* 'положить на стол'.

2. указание на внешнюю границу предмета. В самостоятельном употреблении зафиксирована в удмуртском языке, сохраняется также в конструкциях с послелогам к.-зыр. паныд, воча, удм. пумит 'против, напротив'. Напр., мунны сылы *паныд* 'идти ему навстречу', удм. тöдлы *пумит мыныны* 'идти против ветра'.

В ряде диалектов коми языка датив выступает со значением общеместного характера, проявляя при этом избирательность дистрибуции. Выделяются два типа данного значения:

1. указание на объект, вовнутрь которого направлено движение предмета: лет. мортлб (скр. морт ордб) он пустб *кибн мун* 'к человеку с пустыми руками не пойдешь'.

2. указание на местонахождение предмета в пределах локума: лет. мамнслб (скр. мамыс дорын, ордн) оз и *узын* 'у матери и не ночует'. Функциональным соответствием обоим типам в других диалектах выступают послеложные конструкции.

По сравнению с другими л-овыми падежами датив реализует наибольшее количество вторичных значений.

1. Время действия. В синхронии проявляет датив удмуртского языка, в коми языке сохраняется в послелоге кежлб 'к, на'. Выделяются две разновидности темпорального значения: 1.1. указание на границу периода времени, предшествующую осуществлению действия: вой кежлб *лбсьбдчб му* 'к ночи готовится земля', удм. со дырлы *пиез но бадзым будыны вуэм* 'к этому

времени и сын успел вырасти большим'.

1.2. промежуток времени как определенный срок действия:

а) срок рассчитанности в протекании действия: ветлыны нёль лун кеждё карё 'сездить на четыре дня в город', удм. арнялы задание сётйз 'дал задание на неделю'.

б) срок исполнения действия без оттенка рассчитанности к протеканию действия в разные сроки: удм. часлы 40 иськем 'за час 40 километров'.

2. Объект соприкосновения. Реализуется при глаголах с семой пространственного присоединения, причем в коми языке только в сочетании с одушевленными референтами, в удмуртском также и с неодушевленными референтами. Напр., кёласис сылы 'пристал к нему', удм. пальтолы ошет вурыны 'пришить вешалку к пальто'.

3. Объект сопоставления. Реализуется в позиции при глаголах, адъективах, адвербах, предикативных существительных, выражающих отношения адекватности/неадекватности: сылы лёсялана удж 'подходящая ему работа', удм. скёлэмлы матын 'близкий сердцу'.

4. Объект направленного действия, адресат "давания". Реализуется при глаголах передавания, речи, словах приветствия, благодарности: сетны мамлы 'дать матери', висьтавыны воклы 'сказать брату', удм. кошкисьёслы шонаны 'махать уезжающим'.

5. Адресат каузируемого действия проявляется при глаголах волеизъявления: тшёктис налы мыссьыны 'велел им умыться', а также при двуобъектных понудительных глаголах, производных от переходных с суффиксом -ёд: пуртёс дорёда кузнечлы 'сковать нож дам кузнецу'. В удмуртском языке в данной позиции выступает аккузатив.

6. Адресат зрительного показа предмета. Реализуется при глаголах с общей семой показа: петкёдліс сылы туй 'показал ему дорогу', удм. висисез врачлы возматныны 'показать больного врачу'.

7. Объект назначения. Проявляется при глаголах создания, конкретного действия: нёбёны пилы дёрём 'купить сыну рубашку', а также при именах: челядьлы книга 'книга для детей'. В удмуртском языке данный тип распространен шире, употребляется также в сочетании с неодушевленными референтами вместо коми послеложных конструкций: пальтолы материал 'материал на пальто', к.-зыр. пальто вылё материал 'тх'.

8. Адресат содействия/противодействия: отсавны Мишканы 'помочь Мишке', удм. эн локетэ мыным ужаны 'не мешайте мне работать'.

9. Заинтересованное лицо. Реализуется на уровне предложения, функционально сближаясь к вводным словам: Вот тэныд и Воркута 'Вот тебе и Воркута'.

10. Объект смежной принадлежности:

а) обладатель смежной принадлежности части целому. Реализуется при иллативной и терминативной словоформе: видзёд-лис сылы чужомас 'посмотрел ему в лицо';

б) обладатель по смежности, близости личных отношений. Реализуется на уровне предложения, где в качестве предиката выступают слова в формах номинатива или инструменталиа с глаголами бытия: сійё Борислы абу друг, абу и фельдшер 'он Борису не друг, и не фельдшер'.

11. Обладатель собственной принадлежности. Реализуется в лл. и уд. диалектах коми языка: лл. Мэ Л'убаёс л'убита, аслым мон'ёс 'Я люблю Любу, свою невестку'.

Датив данного типа выделяем также в первых компонентах сложных слов типа аслыснога 'своеобразный', аслысруа 'свое-нравный', аслыссикас, аслыспёлёс 'своеобразный' и т.п.

12. Обладатель отчуждаемой принадлежности. Проявляется в читаевском говоре лл. диалекта коми языка: аслыс (наряду с асс'нс) йу'вав 'спроси у него самого'.

13. Объект цели действия. Реализуется в удмуртском языке и большинстве южных говоров коми-пермяцкого языка: удм. няньлы мынны 'сходить за хлебом', к.-перм. юж. няньёё мунёс 'ушел за хлебом'.

14. Объект причины. Реализуется в удмуртском языке и в некоторых говорах коми-пермяцкого языка. В коми языке данный тип датива зафиксирован в единичном примере: тшыглы 'с голоду, от голода'.

15. Объект превращения. Реализуется в удмуртском языке при глаголах с общей семой преобразования: йёлы берныктылны 'превратиться в лед'.

16. Объект цели, способа деления. Проявляется в удмуртском языке при глаголах с общей семой деления: сюэз витель люкны 'разделить сто на пять'.

17. Объект меры стоимости. Реализуется в удмуртском языке при глаголах, выражающих обменные отношения: дас манетлы басьтыны 'купить на десять рублей'.

18. Объект количественной разницы. Реализуется в удмурт-

ском языке при глаголах, обозначающих повышение, ограничение, недостижение какой-нибудь нормы: ошибкаэз вить копейкалы 'ошибка в пяти копейках'.

19. Объект достижения. Реализуется в удмуртском языке: киужлы дышетыны 'научить рукоделию'. Отдельные случаи отмечены в древнепермских текстах: велэтчины веськыдлы тэнад 'учиться правде твоей' (18 в.).

20. Объект отношения. Реализуется при глаголах отношения: радлыны шонділн 'радоваться солнцу', удм. тулыслн шумпотэ 'радуется весне'.

21. Субъект восприятия. Реализуется при глаголах восприятия: сылн мыйкё кывсис 'ему что-то послышалось', удм. мыным кылйськиз кадь 'мне послышалось'.

22. Субъект отношения. Реализуется при глаголах отношения, предикативных существительных, прилагательных, причастиях: кызвыныслн кажитчис 'большинству понравилось', бать-мам-лн сійё вліі шогмана 'родителям он понравился', удм. картина мыным яраз 'картина мне понравилось'.

23. Демиактивное лицо.

23.1. Субъект дебитивного действия. Реализуется при глаголах со значением долженствования, необходимости, а также в инфинитивных предложениях с идентичной модальностью, в конструкциях с глаголами повелительного наклонения 2 л. ед.ч., выступающими с оттенком необходимости: колё мунны Светалн 'Свете надо идти', тіянлы ставсё сёйны-юны 'вам всё съесть-выпить', удм. солн эмьяськыны кулэ 'ему надо лечиться'.

23.2. Субъект потенциального действия. Реализуется при модальном глаголе позьны 'можно, быть возможным', при глаголах шогмыны 'годиться, можно', дёсявны 'годиться, подходить', удайтчины 'удаваться, быть удачным', сюрны, сюрлыны 'попасть, попадать', выступающих в сочетании с инфинитивом в роли модальных глаголов, в инфинитивных конструкциях с потенциальной модальностью и при деепричастиях меры и степени действия: кызди меным колхозё пырны 'как мне (можно) вступить в колхоз', пыжлы тёрмён розь 'дыра такая, что может пройти лодка', удм. кызы удалтйз тіледлы сое озьы лэсьтны? 'как вам удалось это сделать?'

23.3. Субъект непроизвольного действия, состояния. Реализуется при пассивно-возвратных глаголах с суффиксом -сь, при глаголах пассивного состояния типа сюрны 'попасться, попасть, найтись, отыскаться' и др., при словах категории состояния, выступающих в роли предикативных единиц, при безлич-

ных глаголах, производных от прилагательных, при деепричастиях на -тӧг, указывающих на отсутствие действия: энькаңд меным шань веськаліс 'свекровь мне добрая досталась', сьӧкыд и гажтӧм Мишкалы 'тяжело и грустно Мишке', удм. солн капчиес луис 'ему стало легко'.

24. Значение выделительности, определенности. Сюда включаем использование маркера -лы в качестве оформителя грамматического субъекта и прямого объекта в отдельных диалектах коми языков: иж. Тамаралы кучас вэлэтчыны 'Тамара будет учиться', Иванлы вайисныс государ дорэ 'Ивана привели к государю'.

Функциональным соответствием пермскому дативу в других финно-угорских и самодийских языках выступают преимущественно падежи исторически лативного характера (датив, аллатив, транслатив, сублатив, дативный генитив), падежи нелативного характера (аккузатив, партитив, адессив) при реализации значений 5, 8, II, I2, 20, 23, 24.

По семантике пермский датив, особенно удмуртский, сближается с дативом марийского языка, как и в случае аблатива, что может быть объяснено результатом более позднего конвергентного развития данных языков.

Аппроксиматив во всех пермских языках выступает как направительный падеж, реализуя различные оттенки значения объекта направленного действия. Выделяются следующие разновидности пространственного значения аппроксиматива:

1. указание на предмет, в сторону которого направлено движение, действие. Реализуется при глаголах движения, направления, жеста, речи: котӧртны вӧрлань 'бежать по направлению к лесу', удм. грузовик кошкиз шурлань 'грузовик ушел по направлению к лесу', а также при отглагольных именах и именах, обозначающих различные виды транспорта, путь движения: Снытывкарлань туй 'дорога в сторону Сынтыкара'.

2. указание на пункт направленности с относительным достижением его границ. Проявляется при однонаправленных глаголах движения результативного, кратковременного характера, а также начинательного способа движения: и воис гортдань, берегӧ сибӧдчис 'и прибыл к дому (букв.: в сторону дома), к берегу подъехал'.

3. указание на предмет пространственного соприкосновения с другим предметом. Реализуется в нв., уд. диалектах коми языка при глаголах, потенциально предполагающих поверхностную контактность предмета с другим предметом. Напр.,

нв. стенланис лукѡдны (скр. стенѡ лукѡдны) 'стукнуть об стену'.

4. указание на предмет, по направлению к которому расположен другой предмет:

4.1. указание на предмет, в сторону которого обращена, направлена одна из сторон, частей другого предмета. Реализуется в позиции при инструментальной словоформе: Микүлайлань веськыда нырѡн 'носом прямо направленным в сторону Николая', а также при относительных прилагательных с суффиксом -а: мелань чужѡма 'лицом ко мне'.

4.2. указание на предмет, являющийся ориентиром при уточнении объективного расстояния расположения предмета в направлении данного. Проявляется в позиции при количественном показателе (количественно-именное словосочетание, наречие): вѡлѡстьлань нелямны километр выянн 'примерно в сорока километрах в сторону волости'.

5. указание на предмет, около которого, недалеко локализуется или осуществляет действие другой предмет. Реализуется при глаголах местонахождения, пребывания, размещения: шорланьыс домавынн 'привязать(коня) недалеко от ручья'.

Большинство вторичных значений аппроксиматива образовано путем метафоризации исходного значения.

1. Относительное время. Проявляются две разновидности данного значения:

1.1. указание на границу относительного времени, в направлении которого протекает действие предмета: арыс матыстчис тѡвлань 'осень приблизилась к зиме', удм. куазь сизьыллань кариське 'погода приближается к осени'.

1.2. указание на относительный промежуток времени, более или менее близкий к внешней границе времени-ориентира: рытланьыс вѡтѡдны кѡсйнысис 'под вечер обещался догнать', удм. жытлань пилемьѡс люкен-люкен бабыльскизын 'к вечеру облака струдились'.

2. Объект относительного соответствия, сходства. Реализуется в коми языках: к.-зыр. нылыс мунѡ мамислань 'девочка похожа на мать', к.-перм. зоньыс вачкисьѡ мамислань 'сын походит на мать'.

3. Объект стремления. Реализуется в коми языках при глаголах к.-зыр. сынны 'грести', нырны 'давить', зильны 'стремиться', к.-перм. кѡстыны 'гнуть': эз и зильны сылань-ныс 'и не стремился к этому'.

4. Объект заинтересованного лица. Реализуется на уровне

предложения в конструкциях, где в качестве предиката выступают глагол кужны 'уметь' в личной форме + инфинитив со значением конкретного действия: асланьыс сійѳ куѳ сѳрнитны 'в своих интересах он умеет разговаривать', или же глагол бытия + прилагательное: асланьыс сійѳ абу йѳй 'в своих интересах он не глуп'.

В уд. диалекте коми языка аппроксиматив реализует также значения:

5. Объект цели, назначения: чѳй-вокланьыс сія куѳ и олѳ 'ради братьев и сестер он все сделает'.

6. Объект причины действия: кѳдыдланьыс юрѳ висьмио 'от холода заболела голова'.

7. Объект уподобления. Реализуется в удмуртском языке: соланѳ карны 'сделать по нему'.

В других финно-угорских языках самостоятельный падежный маркер, функционально идентичный пермскому аппроксимативу, представлен лишь в вепсском языке и в диалектах хантыйского языка. В остальных языках данные отношения выражаются послелогоми.

Конзекутив. В качестве первичного значения конзекутива следует признать вторую разновидность пространственного значения датива, что основывается на признании генетического родства данных падежей, типологии развития финальных отношений на базе лативных, а также на имеющихся примерах в сфере наречий: уд. сѳрла 'назад', пасьтала 'в ширину', кузяла 'в длину'.

В синхронии конзекутив реализует два значения: цели и причины. Разграничение функций происходит на уровне внутреннего контекста: значение цели проявляется при условии, если референт имеет конкретное содержание (предмет, живые существа, вещество): мунны песла, мѳсла 'идти за дровами, коровой'; значение причинности проявляется, когда референт имеет понятийное содержание (имена действия, состояния, свойств): лѳ-балѳмысла 'от того, что летал', дышысла 'от лени'.

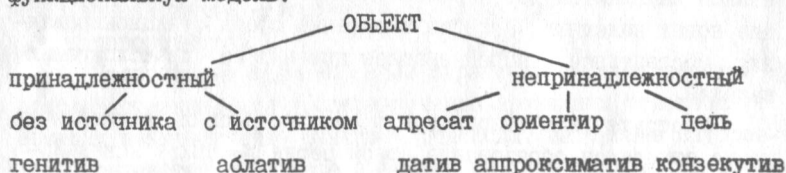
В коми-пермяцком языке соответствующий падеж реализует только значение цели.

Сравнение конзекутива с другими конституентами семантического поля финальности/каузальности показало, что он при реализации значения цели характеризуется имплицитным выражением действия и осложнением целевых отношений объектными в отличие от послеложной целевой конструкции, выражающей цель как опредмеченное действие, целевого инфинитива,

выражающего цель как процесс действия, придаточного предложения цели, выражающего цель как планируемое действие: муніс вала 'ушел за водой', муніс ва вайом могысь 'ушел с целью принесения воды', муніс ва вайны 'ушел принести воду'; муніс, мед вайны ва 'ушел, чтоб принести воду'. При выражении значения причины проявляется перекрещивание функциональных сфер разных грамматических единиц. Функционально конзекутив сближается к каузальным послелогам, с которыми он проявляет грамматическую синонимию и совместимость. Напр., Пач вёсна и пес жалитъмла нянь сёян немторла тшыкёдны 'Из-за печки и экономии дров незачем портить хлебные продукты'. Однако отсутствует полное совпадение сочетаемости названных средств выражения каузальности. Конзекутив выступает преимущественно в сочетании с отвлеченными существительными, поэтому является доминантой при реализации внутренней причины.

Самостоятельный маркер для выражения финально-каузальных отношений представлен лишь в части финно-угорских языков: в венгерском, мокша-мордовском, марийском языках. Типологически значение цели реализуют исторически лативные падежи, для выражения значения причины используются все разновидности локальных падежей.

Рассмотрение семантических полей д-овых падежей показало, что в коми языке они образуют систему из 5 функциональных единиц, находящихся в разных по силе оппозициях, соответственно чему занимают места в системной иерархии, которая с точки зрения объекта представляет собой следующую функциональную модель:

В синхронии д-овые падежи проявляют разную ступень развития в процессе постепенного перехода конкретных падежей в грамматические. В пределах родственных языков и диалектов они неоднородны семантически: обнаруживают разный удельный вес синтаксичности и семантичности. К группе грамматических падежей в коми языке относятся генитив и аблатив, к полуграмматическим — датель, к конкретным — аппроксиматив и конзекутив. В удмуртском языке аблатив и датель значительно отдалены от соответствующих падежей коми языка в сторону конкрет-

ных падежей.

Статистический обзор д-овых падежей, произведенный методом простого исчисления в одинаковых объемах (30000 словоформ) текстов разных функциональных сфер языка: разговорная речь (Образцы), художественная проза (Юхнин), публицистика (Микушев), показал, что употребительность рассматриваемых падежей неодинакова и зависит от функциональной сферы языка, количества семантико-синтаксических функций формы, наличия синонимических грамматических средств и от авторского языка. В разговорной речи и художественной прозе отмечается доминирование датива. Его процентное соотношение по функциональным сферам примерно равно: разговорная речь 31%, проза 33%, публицистика 35%. Генитив наиболее употребителен в публицистике, где он составляет 48,2% из всех употреблений д-овых падежей. Его использование возрастает от разговорной речи (21,9%) к письменной форме языка (проза 24,9%, публицистика 53,2%). Идентичная картина наблюдается в отношении аблатива: разговорная речь 109 употреблений, проза 189, публицистика 387. Два остальных д-овых падежа встречаются реже. Процентное соотношение конъектива составляет в разговорной речи 5,9%, в прозе 6,6%, в публицистике 3%, аппроксиматива соответственно 1,7% : 2,8% : 0,7% на 100% употреблений всех д-овых падежей.

В третьей главе диссертации рассматриваются структурные инновации в системе д-овых падежей коми языка.

В развитии падежных систем современных финно-угорских языков выявляются две противоположные тенденции: образование новых падежных маркеров и сужение сферы функционирования, постепенное отмирание более древних по происхождению падежей.

К структурным инновациям в системе д-овых падежей коми языка относится образование новой серии д-овых падежей — приблизительноместных падежей — в результате коаффиксации маркера аппроксиматива -лань (далее аппроксиматив I) в сочетании с показателями других местных падежей. Необходимость выделения указанных падежей обосновывается следующими морфологическими и синтаксическими признаками:

1. сочетание -лань исключительно с окончаниями местных падежей в отличие от производных слов с деривационным формантом;

2. неограниченная возможность их присоединения к любым лексико-семантическим группам существительных, местоимениям

(пёрхсыланьбдз 'до старости', Визинланьнсь 'со стороны Визинги', миланьб 'в сторону нас') в отличие от наречий и деривационных суффиксов;

3. употребление словоформ на -лань(-) в ед. и мн. чч., при этом отмечается препозиция показателя множественности в сравнении с постпозиционным положением при деривационном форманте (пицу-яс-ланьнсь 'со стороны осин', ыжъ-яс-ланьб 'в сторону овец');

4. возможность употребления словоформ на -лань(-) с посессивными суффиксами: керкаланьсьым 'со стороны моего дома', керкаланьсьыл 'со стороны твоего дома', керкаланьсьынс 'со стороны его дома' и т.д.;

5. возможность наличия при словоформах на -лань(-) оди-
ночных и распространенных определений: веж сус пуланьын
'около зеленого кедра', сылбн радейтана ягланьб 'в сторону
его любимого соснового бора', сылысь челядьланьын 'около
поющих детей';

6. наличие у каждого из сложных суффиксов на -лань
единого грамматического значения, характеризующегося выра-
жением приблизительноместных отношений.

Серия приблизительноместных падежей состоит из шести
функциональных единиц:

аппроксиматив-инессив	<u>-ланьын</u>
аппроксиматив-элатив	<u>-ланьнсь</u>
аппроксиматив-эгрессив	<u>-ланьсянь</u>
аппроксиматив-пролатив	<u>-ланьбд</u> ~ <u>-ланьти</u>
аппроксиматив-терминатив	<u>-ланьбдз</u>
аппроксиматив II	<u>-ланьб</u>

Большинство падежей серии ограничивается выражением
пространственных или пространственно-временных отношений.
Поэтому разграничение функций происходит на уровне внутрен-
него контекста: локальное значение реализуется при простран-
ственно-предметном референте, временное – при временном ре-
ференте. Все приблизительноместные падежи по своей семанти-
ке относятся к группе конкретных падежей.

Аппроксиматив-инессив содержит указание на предмет,
около которого локализуется другой предмет, происходит дей-
ствие другого предмета: тыланьын кылс пон увтѳм 'в стороне
(около) озера послышался собачий лай'. Реже проявляется зна-
чение приблизительноного времени действия: Арланьын пужьявлѳ
нин 'Под осень бывают уже заморозки'.

Аппроксиматив-элатив содержит указание на предмет, со

сторонн которого начинается движение другого предмета: кер-
каланьсы бѳѳ нянь дукѳн 'со стороны дома веет запахом хле-
ба'.

Аппроксиматив-эгрессив в принципе идентичен по содержа-
нию предыдущему падежу: Диньѳль устьеланьсянь лѳчньс туй
'дорога, спускающаяся со стороны устья р. Диньѳль'.

Аппроксиматив-пролатив содержит указание на предмет,
около, мимо, возле которого происходит действие, движение
другого предмета: туйнс мунѳма вѳрланьтѳ 'дорога проходила
около леса'.

Аппроксиматив-терминатив содержит указание на предмет,
являющийся относительным пределом места действия, движения:
ветлѳс юланьѳлз 'сходил до места, близкого к реке'.

Аппроксиматив II обнаруживает семантическую близость с
аппроксимативом I, реализуя значение предмета направленного
действия с оттенком бѳльшей близости действия во времени:
ракайс лѳбзисны вѳрланьѳ 'вороны полетели в сторону леса'.
В определенных позициях он проявляет также другие модифи-
кации пространственного значения и большинство вторичных
функций, присущих аппроксимативу I: значение относительного
времени: лун шѳрланьѳ кадьс матьсмѳ 'время приближается
к полудню', значение относительного сходства, соответствия:
ньлѳс мамьсланьѳ мунѳ чужѳмнас 'девочка лицом похожа на
мать'.

Приблизительноместные падежи в современном коми языке
еще ограничены в употреблении. Основная сфера их функциони-
рования — письменная форма языка. В исследуемых статистичес-
ки текстах зафиксировано всего 19 употреблений, из них 15 в
художественной прозе, 2 в публицистике и 2 в разговорной ре-
чи. Из всей группы падежей наиболее употребительными являют-
ся аппроксиматив II (II употреблений) и аппроксиматив-инес-
сив (6), остальные встречаются спорадически.

Наличие приблизительноместных падежей отмечается и в
коми-пермяцком языке, при этом наблюдается полное семанти-
ческое и формальное сходство (за исключением фонетических
вариантов): куд.-иньв. мѳ ач'ѳм таван'ис'джк, Кудьмкарла-
н'ис'жжк, вѳи 'я сама из мест, находящихся ближе сюда, к Ку-
дымкару'. В удмуртском языке сложные суффиксы с первым ком-
понентом -лань встречаются лишь в сфере наречий: уланьын
'в низовьях, в низовье', уланьысен, уланьысь 'с низовьев,
с низовья' и др.

Образование приблизительноместных падежей наглядно по-

казывает процесс коаффиксации падежного маркера, что в плане выражения заключается в сужении семантической структуры суффикса -лань до специфической семы, являющейся наиболее лексикиализованной по сравнению с другими. Признаки, основанные на выражении характера отношений одного предмета к другому, что проявлялось в данном случае в прямой динамической направленности, нейтрализуются. Это сближает семантику коаффикса со словообразовательным значением. Общим признаком сложных суффиксов на -лань является значение приблизительности, интерпретирующей сему неконтактности, несоприкосновенности. Из всех местных падежей коми языка указанная сема присуща только аппроксимативу I, она выступает в качестве специфического признака его семантической структуры. Таким образом, появление коаффиксов в языке связывается с необходимостью внесения новых значений, которые возникают на основе специфической семы структурного образования, будь то падежный или же словообразовательный суффикс.

В заключении приводятся основные выводы работы.

Сокращения

Языки и диалекты: вым. – вымский диалект коми языка; иж. – ижемский диалект коми языка; к.-зыр. – коми-зырянский (коми) язык; к.-перм. – коми-пермяцкий язык; к.-перм. сев. – северное наречие коми-пермяцкого языка; к.-перм. юж. – южное наречие коми-пермяцкого языка; куд.-иньв. – кудымкарско-иньвельский диалект коми-пермяцкого языка; лет. – летский говор лузско-летского диалекта коми языка; лл. – лузско-летский диалект коми языка; нв. – нижевычегодский диалект коми языка; скр. – присыктывкарский диалект коми языка; уд. – удорский диалект коми языка; удм. – удмуртский язык.

Грамматические понятия: ед.ч. – единственное число; л. – лицо; мн.ч. – множественное число.

Литература: ВГ = Емельянов А.И., Грамматика вотяцкого языка. – Л.: Изд-е Ленингр. восточн. института, 1927; Микушев = Микушев А.К., Парма весьтын сыланкыв. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1984; Образцы = Образцы коми-зырянской речи. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1971; Юнин = Юнин В., Диньёльса вёрпункт. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1983; F.-F. = Fokos-Fuchs, D.R. Syrjänsches Wörterbuch. I, II. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1959.

Основные положения диссертации отражены в публикациях:

1. Некрасова Г. О падежах на -лань(-) в коми языке. - В кн.: *Fenno-ugristica* I2: Труды по финно-угроведению. Пауль Аристэ и его деятельность. Ученые записки Тартуского университета, вып. 690. Тарту, 1985, с. 147-154.

2. Nekrasova, G.A. Zum Problem der 1-Kasus in der gegenwärtigen Komi-Sprache. - In: *Congressus sextus internationalis fenno-ugristarum*. Тезисы, Thesen, Abstracts, v. I. Syktyvkar, 1985, S. 60.

3. Некрасова Г. К истории изучения 1-овых падежей в коми языке. - В кн.: *Fenno-ugristica* I3: Труды по финно-угроведению. Финно-угроведческая школа Пауля Аристэ и ее связи. Ученые записки Тартуского университета, вып. 728. Тарту, 1986, с. 105-116.

4. Некрасова Г. Место конзекутива в реляционном поле финальности/каузальности коми языка. - Советское финно-угроведение, XXII, 1986, № 2, с. 122-127.

5. Некрасова Г. Модификации пространственного значения аппроксиматива в современном коми языке. - *Noored filoloogias* 1986 : 1. Tallinn, 1986 (Eesti NSV TA Keele ja Kirjanduse Instituut), с. 24-25.

6. Некрасова Г. К проблеме семантики пермских падежных коаффиксов. - Советское финно-угроведение, XXIII, 1987, № 1, с. 28-33.

7. Некрасова Г. Взаимосвязь средств выражения посессивности и локальности (на материале 1-овых падежей коми языка). - В кн.: *Fenno-ugristica* I4: Труды по финно-угроведению. Лексика и грамматический строй уральских языков. Ученые записки Тартуского университета, вып. 776. Тарту, 1987, с. 78-86.

Г. Некрасова

Некрасова Галина Александровна.
Д-ОВЫЕ ПАДЕЖИ В КОМИ ЯЗЫКЕ.
Автореферат диссертации на соискание ученой
степени кандидата филологических наук.
На русском языке.
Тартуский государственный университет.
ЭССР, 202400, г.Тарту, ул.Оликооли, 18.
Подписано к печати 17.06.1987.
Формат 60х90/16.
Бумага писчая.
Машинопись. Ротапринт.
Учетно-издательских листов 1,38. Печатных листов 1,5.
Тираж 150.
Заказ № 591.
Бесплатно.
Типография ТГУ, ЭССР, 202400, г.Тарту, ул.Тийги, 78.

Бесплатно